

Николай Левченко

**ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ
НЕ МОГ УМЕРЕТЬ**

16+

Николай Иванович Левченко

Человек, который не мог умереть

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=62704697

SelfPub; 2022

Аннотация

Действие происходит во время военных действий в Восточной Украине. Герой теряет память, забывает, кто он, и начинает жить под чужой фамилией. Смерть не берет его, пока он не расскажет полностью кому-нибудь свою историю.

Николай Левченко

Человек, который не мог умереть

Сидя перед ним, вполне уверенно я мог сказать лишь то, что прежде мы ни разу не встречались. Сначала этот господин задумчиво поглядывал на редких праздных посетителей кафе, потягивал из запотевшего бокала свой токай и делал вид, что я его немало не интересую. Но только мы заговорили, мне почему-то сразу стал припоминаться любопытный случай. Он был в своем роде исключителен, из ряда тех, которые, маня своей таинственной необъяснимостью, надолго запечатлеваются в душе, как ждут, когда их разгадают; при этом, даже если проанализировать все сведения и допустить наличие закравшихся в рассказ неточностей, то все равно трагический финал на треть выходит за границы понимания. На самом деле, как я помнил, таких загадочных событий, весьма поверхностно и путано описанных в литературе, было два: один произошел во время Первой мировой войны на австро-сербском фронте, другой, но приблизительно при тех же обстоятельствах, – спустя столетие, сравнительно недавно. И именно о нем, со ссылкой на его вторичность и некую закономерность, была короткая заметка

в одном из ежегодных популярных сборников, который мне попался как-то под руку с лотка разносчика. Не зная чем заняться до обеда, бродя между палаток набережной, я пробежал глазами содержание. Сборник представлял собой брошюру в 45 страниц и выходил под заголовком «Необычайные события: свидетельства и факты». Один из очерков при всей своей сумбурности заинтересовал меня; присев на пустовавшую скамью, я несколько раз кряду прочитал его. Документальная нечеткость изложения, должно быть, объяснялась тем, что двое очевидцев, как там говорилось, – посыльный прапорщик и раненный в ключицу рядовой, отправленные накануне в штаб полка и в расположенный неподалеку госпиталь, сумели под присягой подтвердить лишь то, что вечером отряд был на опушке леса, где остановился для ночлега перед боем, а утром целиком исчез. Свидетельства кого-то из бойцов того пропавшего подразделения ни в донесениях разведки, ни в периодической печати с тех пор ни разу не всплывали. Предположение о том, что они дезертировали, тоже отпадало: воины исчезли вместе со своим оружием, транспортными средствами, боеприпасами и полевыми укреплениями.

– Вот. Судите сами, еще одна загадка в наш рациональный век! А говорят, что их уж не осталось, – сказал я своему русскоязычному соседу.

– Да, я тоже видел этот альманах, – с паузой ответил он. – Но раз уж вы упомянули о загадках, позвольте рассказать

одну историю. Хотите, связывайте ее с этим случаем, хотите, нет. Это об одном моем знакомом. Причем за абсолютную правдивость его приключений я ручаюсь.

Мой собеседник обладал такой наружностью, что только по его комплекции и взвешенной манере рассуждений можно было заключить, что ему давно перевалило уж за тридцать. У него было округлое и гладкое лицо, как бронзовая маска от загара (если не сравнить эту окаменелость с чем-нибудь еще похуже: в чертах лица не отражалось никаких эмоций, оно было как вовсе не подвержено нормальной мимике). Оттенок карих глаз почти сливался с кожей на щеках. И если бы не соломенные, немного вьющиеся волосы и поразительная бледность рук, словно он всю жизнь ходил в глухом плаще, то можно было бы предположить, что он откуда-то с экваториальных островов или из Южной Азии. Его глаза были блестящими и выпуклыми как у индусов. Движение почти бескровных пухлых губ, когда он говорил, немного оживляло выражение его железного лица, которое при некотором воображении казалось частью карнавального костюма, хотя одет он был вполне обычно. В стрелку отутюженные кремовые брюки и белая хлопчатая рубашка делали его фигуру ординарно-будничной и, если бы не мертвенное выражение лица, то внешне он ничем не выделялся из толпы. С тех пор, как этот господин с галантным извинением расположился рядом и подозвал официанта, он с интервалами заказывал бокал токайского вина, каждый раз напоминая, чтоб

то лучше охладили, и, вероятно, успел выпить уже целую бутылку. Жареный фазан, который здесь готовили в горшочках на углях, похоже, пребывал еще нетронутым. Поглядывая на меня, он привередливо копался вилкой в поданном жарком, будто бы отыскивал там лотерейный золотой и после своего вступления помалкивал. Кажется, он полагал, что здорово заинтриговал меня и ожидал вопросов.

– Насколько понимаю, это будет в некоторой степени импровизация? – спросил я, думая, что он сейчас еще закажет выпивки, начнет пускаться в отвлечения и прежде чем успеет что-то рассказать, забудет, с чего начал.

– Ну, разве только в некоторой, – с иронией ответил он. – Думаю, как журналисту вам это знакомо. Вы ведь не утерпите и нарисуете потом портрет рассказчика?

Хотя я ничего ему не обещал, он был напорист, даже нагловат как продавец морских ракушек и кораллов перед пляжем; покручивал в руке уже пустой бокал и исподлобья изучал меня глазами.

– Ваши опасения понятны. Но я могу не делать этого. То есть, я хочу сказать, что по словесному портрету ни вас, ни вашего знакомого никто не опознает.

Я угадал: он щелкнул пальцами, чтобы позвать официанта, и снова попросил вина.

– Не беспокойтесь, что я много выпиваю. Вино меня несколько не пьянит, но оживляет мысли, только и всего.

Я с равнодушием пожал плечами и заказал себе еще один

эспрессо. Он понял этот жест как поощрение, откинулся на спинку кресла и продолжал вприщур исследовать мое лицо с таким усердием, словно фотография того была во всех газетах.

– Хочу надеяться на ваше слово. Хотя, на честность пишущей когорты трудно положиться. Вы, кстати, кто? штатный репортер или свободный труженик?

– По правде говоря, все еще и сам не знаю, – полушутя ответил я, думая, что при такой наружности у него наверняка должно быть чувство юмора. – Мои статьи печатают в одном журнале. Но я не из таблоида, если это вас хоть как-то успокоит.

Он удовлетворительно кивнул.

– То, о чем я расскажу, на первый взгляд покажется немыслимой фантазией, фантазмагорией. Странствия души в запутанных потоках времени буддисты называют, кажется, метемпсихозом. Но человек, переселившись в чье-то тело, не помнит, кем он раньше был. Можете представить состояние того, кто пережил такую смерть и помнит все, за исключением различной топонимики, лиц или имен? Ну, например, вы знаете, что были некогда женаты, но вы не помните ни внешности, ни имени своей жены, ни места, где вы проживали. Вы даже собственного имени не помните, не знаете, где точно родились. С одним моим знакомым, уроженцем тех же мест, примерно так и вышло. После многих лет безвестности о нем, мы случайно встретились в Неаполе на пьядца Данте.

Он стоял посередине площади, разглядывая мраморную статую поэта и те скульптуры, что на карнизе арочного здания напротив. Не знаю, что так привлекло его внимание. Но если вы бывали там, так можете себе представить. Увидев его, я был поражен: все те, кто раньше знал его, давно смирились с тем, что он погиб. Нечаянно остановившись рядом, я сам узнал его не сразу. Но что-то подсказало мне, что это тот же самый человек, которого я знал когда-то, – может, выражение знакомых глаз или его речь, когда я с ним заговорил. Но прежде чем он рассказал мне то, чего сейчас услышите и вы, пришлось еще полдня доказывать, что некогда мы с ним дружили.

Воззрившись на меня из-под почти седых неподвижных бровей, он сделал паузу, чтобы оценить эффект.

– А вы еще поддерживаете отношения с этим человеком? – решил я уточнить на всякий случай. – Ведь согласитесь, если вы хотите, чтобы кто-то написал об этом, взглянуть на те события глазами очевидца было бы куда как лучше.

Он как усмехнулся уголками губ.

– Нет, мы больше не встречаемся, не знаю даже, жив ли он. В тот день мы проговорили с ним до вечера и разошлись. Сказать по правде, в его компании мне стало жутко. Но вы не пожалеете: я перескажу вам всё почти дословно. Как я убедился, разные подробности, которые предшествовали его приключению, или напрочь стерлись в его памяти или же пе-

ремешались с настоящим. Поэтому все уточнения, где это возможно, я постараюсь сделать сам.

Глядя в глиняный горшочек с «золотым», он отпил из принесенного высокого бокала и неторопливо стал рассказывать свою историю. Она была действительно его, а не того, стоявшего на пьядца Данте человека, насколько я смог догадаться уже посередине длинного рассказа. В то, что они были некогда приятелями, тоже слабо верилось. Из разговора с этим человеком он, очевидно, просто позаимствовал какие-то недостающие детали, о которых ничего не помнил, и приписал это себе. Я знал, что у случайных неожиданных рассказчиков, которые горят желанием излиться перед первым незнакомцем, так бывает... Кафе было открытое, под розоватым тентом. Послеполуденное солнце греческого пригорода кропило мостовую, обсаженную ближе к морю зеленовато-пепельными эвкалиптами и финиковыми пальмами, узорчатыми масляными кистями. Делая по временам глотки из чашки с кофе, я слушал, что он говорит, и постепенно, раз за разом больше погружался в зрительный ряд образов. По-своему ассоциируясь с рассказом, вокруг блуждали точно тени предсказаний из дельфийского святилища, развалины которого были километрах в десяти-двенадцати. Передо мной сидела будто пифия в образе ожившей мумии. И незаметно подчинившись мистицизму ее голоса, я совершенно позабыл о времени и месте, где я нахожусь... Сразу уточню: этого мужчину я больше никогда не видел. Когда он кончил

свою исповедь, и я опять пришел в себя, он тут же расплатился и ушел. Осталось лишь необъяснимое, невнятно гложущее чувство, что всё это произошло со мной.

Осип был одним из восемнадцати наемников в отряде быстрого развертывания, входившего в состав армейского заслона в период нудно затянувшейся компании в Восточной Украине. Политика его совсем не занимала. В Полтаве у него была невеста, с которой они познакомились студентами в Крыму, когда купались в море и заодно искали тлю в еще не вырубленных виноградниках. Невесту звали Юлия, она была сладкоголосая и бойкая, с резной фигурой и черными как омут, издали будившими воображение глазами. Физически их разделяло двести километров и, чтоб невеста помнила о твердости его намерений, Осип раз в неделю приезжал к ней на автобусе из Белгорода. Дорога проходила в блаженном предвкушении свидания и в омрачавших это горестных раздумьях. Он был из простой семьи, его отец и мать работали на стройке. Родители же Юлии были скуповаты и зажиточны. Они не возражали в отношении их брака, но требовали, чтобы жених обзавелся своим хозяйством и занялся каким-нибудь серьезным делом, чего позволило бы содержать жену. Работу в автосервисе, где Осип устанавливал в автомобили противоугонную сигнализацию, которая была его изобретением с высокой степенью защиты, так что если даже перерезать провода, пиликала в эфир оповещение с координа-

тами, они серьезной не считали. Денег на житье ему хватало, но никаких возможностей, чтобы зарабатывать в три раза больше, в Белгороде не было. Когда в восточной части Украины начался конфликт, дорогу туда перекрыли, а в приграничных областях без предупреждения стреляли. Сначала от своих приятелей, затем по Интернету он узнал, что можно поступить в одно из противоборствующих соединений добровольцем и заработок там гораздо выше, чем он получал. На политическую подоплеку ему было наплевать. Кажется, и те и эти были одурманены амбицией своих властей, которые желали только одного: во что бы то ни стало истребить друг друга. Обе стороны считали себя патриотами, борцами за суверенитет и демократию и думали, что правы. И, тем не менее, он выбрал группу «правых» войск, чтобы иметь возможность иногда бывать у Юлии. Его отец придерживался противоположных взглядов, поэтому, чтоб было меньше возражений, он коротко уведомил того, что хочет встать на сторону повстанцев. Как оказалось в пункте сбора, куда он смог добраться за свои часы и две бутылки коньяка на блокпосте, стрелял он метко. Но в большей степени им приглянулось его умение хорошо и быстро разбираться в сложной технике. Так он оказался на передовой позиции – в качестве стрелка и специалиста по ракетной установке, так как профессионалов не хватало. Пользоваться этой установкой приходилось выборочно, согласно поступающим наводкам, которые передавались через спутник. Но это не меняло сути

дела, то есть того, что эта установка с каждым разом уносила чьи-то жизни. Она давала избирательные залпы ежедневно, и Осип ее втайне ненавидел. Зато он как-то раз сумел на сутки выбраться в Полтаву, к Юлии. Расстраивать ее он не хотел, поэтому соврал, сказал, что сам он не участвует в боях, проводит только что-то вроде консультаций по техническим вопросам; но денег у него теперь навалом и надо обождать лишь год, когда закончится контракт, чтобы получить благословение родителей и расписаться. До смерти соскучившись за пару месяцев, они провели вдвоем весь день и романтическую ночь в гостинице. Наутро, не доверяя его рассказам, девушка разволновалась, слезно умоляла, чтобы он все бросил, и не хотела отпускать обратно. Он тоже не хотел с ней расставаться, но делать было нечего. Деньги были позарез нужны, да и обязательство служить он дал, иначе бы его сочли за дезертира. Знал бы он тогда, что больше не увидит ее глаз, что в образе своей прелестной Юлии он расстается с прежней жизнью навсегда?.. Но, как известно, человеку не дано знать свое будущее. И Осип на прощанье подарил своей невесте обручальное кольцо с красивым бриллиантом.

Чтобы уменьшить риск обнаружения противником, подразделение на транспортерах часто маневрировало. В один июльский день они проехали разбитое ударом с воздуха село и расположились на опушке скрытой за возвышенностью рощицы. Страшная картина шального артобстрела все еще была перед глазами. В село попал неясно чей снаряд, разворо-

тил и магазин, и половину прилежавшей улицы. В кровавом месиве из кирпичей и изуродованных тел, торчала перевернутая вывеска «Продукты» и около обочины лежала девочка в коротком сарафане с вырванным предплечьем. То было рядом, отдельно от другой руки, в которой был растекшийся рожок с мороженым. Девочка была как искалеченная кукла с застывшим удивлением в глазах. Рядом были и другие мертвые тела. Но к ним никто о не подходил, не разбирал убитых; село как вымерло: боясь обстрела, все жители поразбежались и попрятались в подвалах под домами. Осип попросил водителя, чтоб тот остановил тягач, спрыгнул и украл труп девочки куском брезента.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.